

А 2005
458к

2005
ГОД КАЗАХСТАНА
В РОССИИ

Олжас Сулейменов

Мосты

2003
ГОД КАЗАХСТАНА
В РОССИИ

Олжас Сулейменов

Мости

Стихи

Москва
«Русская книга»
2003

821.512.122=161.1-1

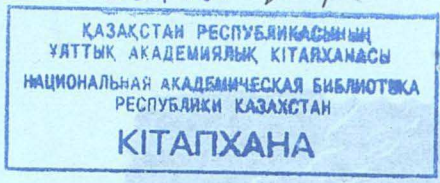
C 896

УДК 82/89
ББК 84-5
С 19

Выпущено по заказу Министерства информации
Республики Казахстан

Художник
Н. Нурмухаметов

55172 KX

Сулейменов О.

C-19 Мосты. – М.: Русская книга, 2003. – 192 с.

Олжас Сулейменов – известный казахстанский поэт, общественный деятель, организатор международного анти-ядерного движения "Невада–Семипалатинск", публицист, глубокий знаток истории и лингвистики. Все его творчество пронизано идеей братства культур и взаимообогащения народов.

В книгу произведений Олжаса Сулейменова вошли стихи разных лет и поэма "Земля, поклонись человеку".

ISBN5-268-00544-8

УДК 82/89
ББК 84-5

- © О. Сулейменов, 2003.
- © Оформление Объединение художников – книжных графиков Казахстана, 2003.
- © Издательство "Русская книга", 2003.

ВОСЫМ

Идет в туман, в туман среднее море

Насыт,

Стихи

Берега из тумана

И голых твоих алмазных ресниц,

И лонг желтым брызгаеся

Угрозами суровости росы,

Кто-то шею намекнул к тебе, как к вышнему триклинеди.

Планирование

Высота, и

Ночь из

Не сплел

Или вода

А у лиса

Кривь беду

Идут гостер

Падая катан

И урвы скре

И асриот

И пробитый

А токарни

- Ну, чего

Се скалы

Пору щель

И отарыло

Улыбка

Подаван,

Привидел

Что когда-то был просто обман,

ИССЫК

Есть в горах Алатау орлиное море
Иссык,
Берега из гранита
И теплых тянь-шаньских елей,
В нем веками копилась
Угрюмая свежесть росы,
Краски неба навеки к холодным волнам прикипели.
Поднимаешься в гору, и сердце у горла встает,
Высота, высота,
Пьешь из фляги тягучую воду,
Не спасает,
Или воздух теплый, пахучий, как мед,
А в висках, а в ушах – кровь гудит,

нагоняя одурь.

Кровь беснуется, рвется.
Вдруг ветер порывом провыл.
Голоса издалека,
И травы скрежещут,
И вскрики, бубны, топот и лязг,
И прибитый копытом ковыль...
А товарищ толкает в плечо:
– Ну, чего же ты, прыгай...
Со скалы – на скалу – через трещину,
Пару шагов – и стволы разошлись,
И открылось орлиное море.
Удивись красоте беспокойных его берегов,
Погляди, как водою скалу узкоплечую моет.
Приглядишься и пойми,
Что когда-то был просто обрыв,

И мне позволишь на тебя смотреть,
Смущенно краску с губ водою смоешь,
До волдырей захочешь загореть...
Стемнеет,
Станет зябко,
Ты притихнешь.
Ты странно глянешь,
Коротко дыша,
И станешь мысленно
Себе внушать,
Что надо встать,
И губы, плача,
Стиснешь.

А я твоё волнение не пойму,
Вскочу, засучусь и успокою,
Ты улыбнешься страху моему:
"Ну надо же обучиться вот такому..."

Из босоножки вытряхнешь песок,
Мы выйдем на бугристую дорогу,
Пустой автобус подойдет рысцой,
И пожилой кондуктор глянет строго.

Подъедем.
Я скажу: "Ну что ж, пошел..."
Ты улыбнешься и кивнешь рассеянно.
И, спохватившись, скажешь:
"Хорошо..."
Мы славно отдохнули в воскресенье..."

ПОРТРЕТ ТОВАРИЦА

Когда я зол на чью-то клевету,
На грубую, уверенную наглость,
Я свет готов проклясть,
Но я клянусь
Своей души оправданную вялость.
Бегу домой,

Там над столом – глаза,
Сбиваю ноги на крутых ступенях.
"Ты в прошлый раз мне дельно подсказал!" –
И холодок на небеленых стенах.

Я добегу,
Я постою дыша,
Я вытру лоб измятой серой кепкой,
Стучусь,
Еще...
И голос малыша
Мне отвечает сонный и некрепкий.

Над ворохом исписанных бумаг,
Где рядом книги
И стаканы рядом,
Ты смотришь на меня и каждый шаг
Преследуешь своим счастливым взглядом.
И я стыжусь,
И в ворохе бумаг
Отыскиваю чистую страницу.
Беру перо. Сажусь. Молчу.
Итак –
Я снова улыбаюсь. Мне не спится.

***

Да, ты горда,
Но лишь со мной горда,
С другими ты внимательна, покорна.
Прошли года. Уже прошли года.
А для меня ты остаешься гордой.

И хорошо.
Я не люблю таких,
Какою ты стоишь перед другими.
И не тебя я презираю – их;
Мне больно видеть гордость перед ними.

Что ж, будь горда,
Будь хоть со мной горда,
Я не хочу любить тебя покорной.
Идут года. Еще пройдут года.
Вся твоя гордость – мне,
Останься гордой.

***

Эти слова рождаются ночью,
Днем не услышишь биения сердца.
Тихо.
Спокойно.
На черных деревьях
Пышные гнезда свивают снежинки,
Громкое время ложится на судьбы
Тихой, январской, морозной пылью.
...Не выходи этой ночью на улицу,
Снег завихрится,
Осядет на волосы,
Ты не заметишь, как в темные косы
Врежутся светлые мягкие пряди,
Милая, юная и седая,
Снег оседает,
Снег оседает.
Не выходи,
Я тебе запрещаю,
Спи, зарываясь щекою в подушку,
Я твоих прядей дыханьем касаюсь.
Ветер за окнами нарастает,
Иней растет,
Иней растет.

ВЕЛИКАЯ ПРОВИНЦИЯ

В Казани бушевал бог солнца Хорс!
За буйные студенческие тосты,
за раннее веселое толстовство
прогнали льва, не дав закончить курс.

Здесь – жил изобретатель дырокола,
Там – на углу, где станция такси,
в подвальчике, в пекарне Деренкова,
таскал мешки чахоточный Максим.

Здесь Пушкин жил
у поэтессы Фогл.
Вот дом. Балкон.
Подняв акулий хвост,
на проволоке к пиву сохнет вобла.
В квартире Пушкина живет завхоз.

Я щупаю ночами, как руками,
как ночью пальцами, лицо земли.
Здесь мне на ощупь дорог
каждый камень,
по этим улицам
они ушли.

***

Где ты,
Город, заваленный лавой садов,
С юга пенные горы,
Как волны прибоя,
Много,
Много найдется таких городов,
Где за толстыми вишнями
Небо рябое.
Где ночами над крышами
Месяц-петух
Топчет в темном гареме

Хрустальных хохлаток,
На заре алый гребень
Устало потух,
И орлы петушатся,
Зовут куропаток.
На асфальте ленивая смуглая тень –
Это ветер насмешливо бродит
Под солнцем,
И колышутся тени бетонных стен,
Так завистливы блики в бездонных колодцах.

Альп-Ата,
Твой ледник обжигаяще бел,
Твои реки щекочут
Лавинные горы,
Не прощай, Альп-Ата,
Если кто-то пропел
Раньше нас твое имя,
Моя белогорлая.

***

Что-то мог рассказать
стихотворец-датчанин,
Мог Баян,
Рудаки мог заплакать в газель.
Время было: шептали, шумели, кричали,
Но в эпоху Тянь-Шаня кто-то должен сказать.

Я хочу, и могу, и обязан подняться,
Я люблю, когда ветер в ущельях
Тянь-Шаня.
Но они, паруса,
не спеша наполняются
(мощно, с южного моря) волнением
тишайшим.

Казахи зовут –
Ала-тау.

Киргизы зовут –
Ала-тоо!
Хакасы зовут –
Алтай!
А Тянь-Шань остается – Тянь-Шанем.
И веками стоит неподвижная
непроходимость.
Я читаю Тянь-Шань, как новый,
как ноев миф.
В трех значках
(Желанье, Возможность, Необходимость)
нарисован на небе
угловатый иероглиф.

МИР

***

– Караван-баши...
Караван-баши...
Плавно тают в тени верблюды.
Кто идет?
Паломники?
Торгаши?
Кто идет караваном?
– Люди...

По песку многоточий
К колодцу ответов...
– Это просинь или проседь
над землей?
– Это вечное лето...
– Это вечные люди...
– Бедуины. – Берберы...
– Солнце может ответить:
А весна – это вера?

О, восходы какие
Над великим Египтом!
Тают лица нагие
Над прозрачной накидкой.
Над пустыней,
Над миром,
– Для чего?
– Так, для вида.
– Словно девичьи груди,
плывут пирамиды...

***

Опаздывают поезда.
Опасен семафор зеленый,
упала серая звезда –
опаздывают самолеты,
Прищурил бровью карий свет –
мыслитель доброго столетья –
всего на расстояние плети
опаздывает твой совет.
Тень будущего на портрет
навалится,
ломая краски,
любимая,
на сколько лет
опаздывают твои ласки!..
По клавишам
и – закричат!
на выручку, быстрее Листа,
из эпоса джигиты мчат,
опаздывая
лет на триста...
А мне б на помощь им успеть,
а мне бы слово прореветь
одно
возвышенно и чисто.

Париж...
 Три часа от Москвы – не поверишь!
 "Каравелла" парит,
 словно голая ходит по берегу.
 Пальцем трогает море – холодное,
 а под волнами – древний остров.
 Рыбы плавают вдоль колонн острые.
 Атлантида моя, Париж,
 Я увижу себя в Париже,
 водолазом пройду по улицам,
 где-то амфору подниму,
 буду гостем твоим – наилучшим,
 хочешь, буду счастливым случаем,
 или тысячным – потому!
 Архитектором добрых зданий,
 археологом древних ребусов
 я, любовник, иду на свидание,
 не скрывая веселой ревности.
 В Лувре – лучшим твоим художником,
 острым вдохом твоим табачным,
 в душный полдень – дешевым дождиком,
 я ведь знаю, как это важно.
 Каравеллу бросают ассы
 в океан черепичных крыш.
 Ты – пронзительный бас Азии,
 Я эхо твое, Париж.

НОЧЬ. ПАРИЖ...

(отрывок)

В каждом городе – площадь цветов
 да земля опыленная.
 Розы белые, черные, синие там растут,
 розы красные, и багровые, и зеленые,
 только розовых нет
 тут.

Ночь мне явится розовой,
Ночь – мое плотское пламя,
мой эгоизм.
Ночью прохладно,
ночью я восхожу на вершину
собственной тени.
Ночь моя – родина подлости
и героизма,
ночь – чернозем,
на котором восходят гены.
В самом богатом
и ярком городе-взрыве
есть переулки, где прячется тень,
самый веселый и башенный город Рио
не обнажен до конца.
В его переулках – окаменелый стыд,
тенью он притаился в подъездах,
в складках лица
неподвижно стынет.
Можно построить скайтскребы
выше, чем память!
Выстрелы, топот, смятение.
Пробежали.
На тротуаре тени всплеснулись
дико.
И снова тихо.
Рядом стреляют, бегают, режутся
парижане!..
Ночью на площадях дико!
Вот площадь Согласия!
Улица Жертв и Поэтов улица,
но главную улицу – Мейн-стрит
я назвал бы улицей Неизвестных,
Много прошло неузнанных,
стали в тень
и сутулятся.
Ждут предрассветной немочи.
Выскочат –
бесами.

Ближе черта равновесия –
улица Неизвестных.
"Париж – это город музыки,
воинов и любимых!"
Ночью бунтует
мир крови,
требует перевеса.
Утром Париж подсчитает
поэмы,
жен
и убитых.
Сена несет острые глыбы фосфора
вверх по течению.

***

Колумбийцы! Шумим, ребята!
Запевайте свой гимн –
"Альма-матер!"
Ударенье – не самое главное.
Я кощунствую –
"Альма-Ата!"
Мы кричим,
Нас немало в зале,
Европейцы и азиаты,
То, что шепотом не сказали б:
"Альма-матер моя Альма-Ата!"

АМАЗОНКА

Памяти Марины Цветаевой

В диком поле половчанку полонили
и в полынь, раскинув полы, повалили.
Это было в полночь.
Пожалел монах навеки:
не пришлось быть в сим набеге.
Сволочь.

"...Но я, как водилось тогда –
лунолика,

и брови, как луки,
ресницы, как стрелы.

Улыбки блуждают по лицам,
как лунные блики.

Любимый, ты встретил, ты встретил
меня после битвы.

Беременная,
я беременна многими бабами,
любовь – это выдохи, выдохи,
чаще вдохов,

во мне одновременно –
робкие девицы-павы,
и жены бывалые, и небывалые вдовы.

Не выдай!

Ладони кладем, не боясь отцовского гнева,
на плечи твои,

ложимся и смотрим, как в небо,
в лицо наклоненное,
близкое, бледное,

потное,
не выдай, роди-и-мый!..

И –

боль,
стоголосая, полная!.."

...Монах распалается.

"Комкай святыне хоругви!.."

Размазав устав летописный –
нажим ослаблен.

Но прежде чем свалят, затопчут, залюбят,
зарубят,

протяжно и тяжело
в ночах прокричат ярославны.

Не выдай, роди-и-мый!

Насилуй, пока разрешила.

Сдави мою глотку,
да так, чтобы в горле
першило,

подглядывай в щели веков,
оскопленный монах,
гляди, летописец –
я счастлива, что согрешила!

Я по полю шла,
наклонялась, ругалась словами,
я в зубы сухие, прощая,
тебя целовала.
И знала –
что мне
не простят летописцы побоище это,
уже поднимают гусиные перья,
поэты,
уже опускаются перья на строки,
как плети,
чтоб лаской навек заклеить
мое слабое племя".

СООБЩЕНИЕ ТАМТАМА

ОВАЛІ: – Там сидит старик бездумный,
молчаливый, значит мудрый,
умный, словно дым бездымный,
в доме собственном бездомный.

Там в сердцах уснувших фарсов –
акты медленных трагедий,
в памяти бессмертных старцев –
невзлетевшие ракеты,
электрон средневековья
и урановые копи,
и поломанные копья,
и расседланные кони.

Там жара в разгаре лета,
там сияет ночь, как день,
там раскинули тенета,
те подумали, что тень.

Прошлое там – настоящее,
там счастливое известье
к ним дойдет сквозь расстоянья
постаревшей, страшной вестью.

Там собака длинногорло
воет в небо одичало,
утомительное горе
заливают черным чаем...

УГОЛ: – А там?..
– Там дикий бой,
Там время не течет!
Там
знают всех врагов наперечет!
Там
зажимают раны, словно рты!
Там будет жив другой, если не ты!..
Атам...

КРУГ: – Я увезу тебя в город такой,
Где человек обретает покой,
Бьются в печах не огни, но костры,
Каждая женщина ближе сестры.
Там человек тебе нужен, как друг,
Друг – как любимый,
Небо – как воздух,
Круглыми сутками – круглые звезды.
Мир, как объятье – круг.
Дай мне руку, и я тебе дам.
"Где этот город?
Там!
Там.
Там..."

***

...В эпосах неслыханных, китовых,
в тугоплавных ритмах многотонных,
с доброй монотонностью прибоя
не воспета ль птица Raja bhoja?

Не совет, не открывая пасти,
не простит мой мудрый головастик,
атлантический молокосос,
первый звук китовой речи знаю –
это SOS.
Дух Великий!
Бочки интеллекта.
Мозг его возили на телегах.
Плавает он,
        как огромный кус –
амбра, сало и какой-то ус.
Жаль, икру китовую не мечет.
Что в 2000-м он молвит человечеству?
Было ль наводнение, потоп?
Мы потопли. Что было потом?
...Я распластан на твоём горбу
Меж тобой и острием посредник.
Ты снишься мне – нас бьёт один гарпун,
последний, верь,
он всякий раз – последний.

ЭХО СКАЗКИ

– Девушка с длинной косо-о-ой!..
– А-а-а!..
По примятой степною рососою траве –
серым волком,
по еле приметной тропе,
верить птицам крылатым
и пешей дрофе,
в лес,
просвеченный детским летом.
Ау-у!
Пахнет севером след,
я бегу на закат,
и слова о любви,
как слюна с языка.
Из копытца не дай мне напиться воды,
отведи лебедей,

уведи от беды.
Догоню, задеру,
стой, коза-дереза.
Говори, если хочется слово сказать,
обмани,
а иначе тебя обману.
– Бабушка с острой косою!
– У-у-у-у...

Пел старик о зеленой тростинке,
пел седой,
разпевая жили,
его голос высокий качался,
как цветок на старой могиле.

...Бывает,
если не любим,
с любимыми
не так бывает.
Всплывает
слово из глубин,
как тело
белое,
всплывает.
Прибоем – к берегу,
ко мне –
слова,
которым я не нужен:
"Жемчужин
не ищи на дне
морей,
в которых нет жемчужин".
Но поздно, разъедает соль
и пену, белую,
как вата.
Хожу по берегу босой.
Луна в прибое виновата.

В соседней комнате хрипит человек. У него останавливается сердце. Он вскакивает с постели, словно встряхивает в теле часы.